

Тао Шаньцзэ резко сел на пол. Увидев стоявшего на помосте мужчину, он поразился: тот был точь-в-точь как тот демон-монах. Тао Шаньцзэ понял, что попал в сон, но в чем заключался смысл этого видения?

Следом он заметил, что на позолоченном полу лежало бесчисленное множество людей, гнавшихся за долголетием. Одни из них были мертвенно-бледными, с синюшными губами — они уже не дышали.

— Жизнь в обмен на жизнь... — Тао Шаньцзэ охватил ужас. Неизвестно было, является ли его Чи Мэй реальным человеком или порождением демонических чар этого монаха, но сердце пронзила острая боль, а при взгляде на злодея в душе закипела ярость.

— Поздравляю всех выживших! Похоже, кто-то пожелал умереть ради вас — неважно, какими способами, — промолвил мужчина, стоя на высоком помосте. В этот момент под его ступнями, коснувшимися земли, из ниоткуда возник лотос. Стоило ему сделать шаг, как под ногами распускалось всё больше и больше цветов. Комната наполнилась призрачным, волнующим светом. Тао Шаньцзэ взглянул на окружающих: их взгляды были затуманены, души стали чуть отчетливее, чем прежде, но оказались покрыты слоем бледно-красной пыли.

Тао Шаньцзэ прижался спиной к колонне, решив наблюдать за развитием событий.

Однако скрыться не удалось — в следующее мгновение мужчина уже оказался перед ним. Лицо демона нависло прямо над ним.

— Твоя жизнь не увеличилась и не уменьшилась. Видимо, тот человек был таким же, как ты.

— Таким же, как я? — вырвалось у Тао Шаньцзэ.

— Именно так. Похоже, твой Чи Мэй отдал за тебя жизнь, — он внезапно усмехнулся, приближая лицо. Тао Шаньцзэ показалось, что он видит нечто до боли знакомое, и это было совсем не похоже на ощущения от демона-монаха. Тот оскалился и добавил: — Поистине, такое случается впервые. Впрочем, теперь ты не представляешь для меня никакой ценности.

Среди треска ламп пальцы мужчины потянулись к груди Тао Шаньцзэ. Но в ту же секунду на лице демона отразилось недоумение, его пальцы начали дымиться и вспыхивать, а тело Тао Шаньцзэ укутало слабое золотистое сияние.

Мужчина с чертами женской красоты... Внезапно на него нахлынули воспоминания: он вспомнил, что это был Чи Мэй.

Из-за болезненного вскрика мужчины сцена переменилась. Краем глаза Тао Шаньцзэ увидел, как все люди вокруг превратились в бесчисленных насекомых, ползающих по земле, а их души стали яйцами паразитов.

Густой рой яиц устремился к Тао Шаньцзэ. Он подпрыгнул, стряхивая тварей, и встретился взглядом с налитыми кровью глазами мужчины. Стоило ему поднять взгляд, как декорации рассыпались, и он увидел залитую ярким солнечным светом комнату, где рядом крепко спал Чи Мэй.

Чи Мэй...

Тао Шаньцзэ яростно затряс его за плечи:

— Проснись! Проснись же!

Чи Мэй открыл заспанные глаза и туманно посмотрел на него:

— Что случилось?

— Ты... — при виде этого лица Тао Шаньцзэ испытал неопишуемое чувство. В сне Ли Чжуэр он видел свою служанку, любимого человека, и до смерти боялся, что тот пострадает. Но демон-монах, которого он видел после пробуждения, тоже был Чи Мэем, только с примесью воинственности.

— Кто ты такой на самом деле? — Тао Шаньцзэ отстранился, не в силах сдержать дрожь в дыхании. Его рассудок был на грани безумия.

Чи Мэй, обхватив голову руками, приподнялся:

— Уже рассвет...

— Я тебя спрашиваю! — прорычал Тао Шаньцзэ. Тот выглядел расслабленным в своей белой одежде, явно хорошо выспавшись. Но человек из сна не мог быть случайностью. Тао Шаньцзэ коснулся своей груди и вздрогнул: духовный узел, который дал ему Чи Мэй, рассыпался в прах.

— Что значит кто я? Я Чи Мэй, конечно же. — Чи Мэй выглядел совершенно ошарашенным. Казалось, он не лгал — если это была актерская игра, то в нынешнее время он мог бы претендовать на звание величайшего актера.

Тао Шаньцзэ распахнул одежду и достал горсть пыли от духовного узла — остатки прилипли к его коже. Лицо Чи Мэя на глазах стало белее мела.

— Ты был там? Значит... ты видел меня.

— Ты наконец признался! — Тао Шаньцзэ подался вперед и схватил его за воротник. — Значит,

ты убил их всех через ритуал продления жизни? Как ты мог? Они же люди!

Не успел Чи Мэй ответить, как его воротник ответил за него: от резкого рывка Тао Шаньцзэ одежда, подобная халату для сна, соскользнула с плеч и осталась в руках у парня.

Тао Шаньцзэ: — ... — кончики его ушей заметно покраснели.

Чи Мэй поспешно завернулся в одеяло:

— Послушай, дай мне объяснить! То, что ты видел, был не я. Ты сам сказал, что это иллюзия, так что это точно не я. На что только не пойдут демоны, чтобы свести тебя с ума!

Увидев, что Тао Шаньцзэ всё еще не верит, Чи Мэй продолжил:

— Если бы я на самом деле хотел тебе навредить, стал бы я отдавать тебе духовный узел? Я же сказал, что подарю тебе жизнь и позволю войти в Мир Ляочжая. Если бы я хотел твоей смерти, разве ты был бы сейчас жив?

Тао Шаньцзэ швырнул ему одежду, отвернулся и зло бросил:

— Оденься!

Чи Мэй за его спиной усмехнулся:

— Похоже, иллюзия, в которую ты попал, и есть способ найти страницу из книги. Если уж не веришь мне, то расскажи хотя бы, что ты там видел — может, я придумаю, что с этим делать.

— Верить тебе? Только сумасшедший поверит тебе. — Тао Шаньцзэ взмахнул рукавом и распахнул дверь. Чи Мэй шурша одеждой оделся и, заметив, что рука Тао Шаньцзэ замерла на ручке приоткрытой двери, произнес:

— Возвращайся, я — единственный человек, которому ты можешь доверять, разве не так?

Лицо Тао Шаньцзэ побледнело, он резко захлопнул дверь, прислонился к ней спиной и тяжело задышал: прямо за порогом простиралась отвесная скала, и стоило оступиться — падение неминулостно обернулось бы смертью.

— Что это вообще за место такое? — спросил наконец Тао Шаньцзэ у Чи Мэя.

— С чего бы мне знать, что это за место? Если уж на то пошло, я и сам впервые сталкиваюсь с подобным с тех пор, как побывал в Городе Линчжоу, — ответил Чи Мэй.

— Так неужели Ли Хуа всё еще ждет меня дома? Какое из всего этого наваждение — мир, в котором мы находимся сейчас, или то, что я видел вчера вечером? А может быть... — Тао

Шаньцзэ глубоко вздохнул, — может быть, никакого празднования Нового года в две тысячи двадцатом году вообще не было, и я на самом деле человек из древности?

— Что за глупости ты мелешь? Ты самый что ни на есть настоящий современный человек, иначе откуда бы ты знал про мобильные телефоны и всякую электронику? Ты должен верить: иллюзией было только то, что происходило вчера вечером. Если ты не будешь со мной откровенен, то в следующий раз, попади ты в подобную переделку, всё может кончиться очень плохо.

— Не твое дело, — изумился Тао Шаньцзэ.

Его до сих пор передергивало от омерзительного ощущения ползающих под кожей яиц насекомых. Если бы ему пришлось снова пережить тот липкий, всепоглощающий страх, он не ручался бы, что сохранит рассудок.

— Разве ты еще не нашел ту страницу книги? По идее, всё так и есть. Раньше люди застревали в этом мире и не могли выбраться наружу, так что у меня не оставалось выбора, кроме как проглотить их.

Чи Мэй поднялся с постели и зашагал по комнате.

Наблюдая за его движениями, Тао Шаньцзэ невольно вспомнил мужчину на высоком помосте. Тот был точь-в-точь похож на Чи Мэя, но каждый его шаг словно рождал саму жизнь. Будучи воплощением чистой невинности, этот мужчина тем не менее творил столь грязные дела.

Тао Шаньцзэ решил просто игнорировать Чи Мэя. Однако, если всё обстоит так, как тот говорит, повторение вчерашнего кошмара вполне возможно: в конце концов, в том мире он не выполнил требования демонического монаха, тот рассвирепел, и трудно предсказать, что случится с наступлением темноты.

Тао Шаньцзэ вздохнул. Всё началось прошлой ночью, когда он попытался позвать Чи Мэй, а вместо этого вытащил из-под кровати женский труп, кишмя кишмя кишевший насекомыми; затем он угодил в иллюзию продления жизни ценой собственной крови, где погиб ради одной женщины, после чего был спасен духовным узлом и, очнувшись, снова увидел Чи Мэя.

Правда, кое-что он предпочел скрыть — например, то, что в мире иллюзий безумно любил женщину по имени Чи Мэй, но, очнувшись, возненавидел того демонического монаха. Его эмоции были настолько бурными и яркими, что он сам находил это ненормальным.

— Я всё понял. Услышав от монаха-демона о том, что вы попадете в иллюзорную реальность, где продлеваете жизнь за счет чужих жизней, ты снова стал Ли Чжуэр. При этом у него совсем не осталось прежних воспоминаний, он полностью погрузился в эмоции того человека и в конце концов бросился в озеро и погиб, пытаясь спасти любимую женщину.

Чи Мэй легко усмехнулся:

— Иллюзия — это отражение реальности. Не думал, что ты такой преданный и страстный человек.

— Самое главное — монах-демон сказал, что я не подхожу под его условия, поэтому он собирался меня убить, — Тао Шаньцзэ был озадачен приписанной ему страстной любовью.

— Я знаю. Судя по всему, та женщина тоже умерла ради тебя, так что вы вдвойне несчастная

пара, разделившая горе в иллюзии. Судя по твоему рассказу, попадание туда должно быть случайным, а значит, среди зрителей внизу тоже есть та женщина, которую ты видел в видении. Вы, должно быть, вошли одновременно. Ты обратил на нее внимание? — спросил Чи Мэй.

Тао Шаньцзэ подумал про себя: какое там обращение внимания! Тот демон не только был похож на ту женщину, но и на тебя самого как две капли воды. Хорошо, что у меня хватило выдержки, иначе вы бы меня и вправду до смерти испугали.

— Не обратил, — бесстрастно ответил Тао Шаньцзэ.

— Тогда посмотри сегодня вечером, что будет, если ты не станешь умирать ради нее? — предложил Чи Мэй.

— Нельзя, тогда погибнет госпожа Ли.

Вспомнив свою так называемую матушку, Тао Шаньцзэ и сам не мог толком понять, что у него на душе: из-за вмешательства этой матери они с Чи Мэй разыграли в иллюзии прямо-таки трагическую пьесу о разлуке любящих сердец.

— Раз невозможно решить проблему, остается только решить того, кто ее создал, — легко усмехнулся Чи Мэй.

Он шевельнул пальцами, сложив их в форме лотоса, а затем накрыл ладонью макушку Тао Шаньцзэ. Тот сразу почувствовал, как в него влился поток тепла, который тут же исчез.

— Что это? — спросил Тао Шаньцзэ.

— Это мой изначальный дух. Сегодня ночью мы войдем туда вместе. Вчера я проявил беспечность, не ожидая, что мы окажемся вне этого мира, — задумался Чи Мэй. — Но кто знает, обнаружишь ли ты снова женский труп под кроватью сегодня ночью? Если в этот раз я снова исчезну, на поиски тебя уйдет слишком много времени.

— И что же делать? — спросил Тао Шаньцзэ.

— Стоит нам соприкоснуться, и мы войдем вместе.

В глазах Чи Мэй заиграла улыбка, и это тепло смягчило исходящий от него холод, заставив Тао Шаньцзэ на мгновение вспомнить того Чи Мэя в женском платье, который ему так нравился. Двое в комнате раз за разом проговаривали всё, что должно было произойти сегодня ночью внутри Мира Ляочжая. Наконец Чи Мэй произнёс:

— Мне ужасно любопытно, что же это за девушка, в которую ты влюбился, раз готов ради неё идти на смерть.

— Я же сказал, там не я. Я — не Ли Чжуэр, — Тао Шаньцзэ на мгновение смутился, но тут же принял серьёзный вид.

— Ладно-ладно, верю. Но смотри, ты должен будешь держать меня за руку, — Чи Мэй ловко запрыгнул на кровать, оперся на локоть и, повернувшись на бок, похлопал по месту рядом с собой. — Иди сюда... — Последний звук он протянул так тягуче, что это прозвучало до крайности... вызываяще.

И всё же Тао Шаньцзэ, до сих пор испытывавший страх перед грядущей ночью, когда стемнело, всё-таки лёг на кровать и взял его за руку. Кровать в постоялом дворе была очень узкой, поэтому он старался касаться его лишь ладонью.

В тёмной комнате слышалось только их попеременное дыхание. Тао Шаньцзэ не смел закрыть глаза, а вот Чи Мэй, казалось, уснул крепко: с приходом ночи его дыхание стало ровным, и выглядел он совершенно беззаботным.

Внезапно порыв ветра распахнул плотно закрытую дверь. Тао Шаньцзэ напрягся, ладонь, сжимавшая руку Чи Мэя, вспотела, а вот рука Чи Мэя оставалась пугающе холодной, словно у хладнокровного существа.

Снаружи слышались звуки струнных и духовых инструментов. Тао Шаньцзэ приподнялся и изо всех сил дёрнул Чи Мэя за руку, но обнаружил, что в его ладони — лишь отсечённая кисть! От запястья тянулся кровавый обрубок. Раньше Тао Шаньцзэ с криком отпрянул бы, но сейчас, сам не понимая почему, он лишь хладнокровно продолжал сжимать эту кисть, а затем с силой потянул её на себя. По мере того как он тянул, из пустоты постепенно стали проявляться предплечье, а затем и весь Чи Мэй целиком.

Тао Шаньцзэ принялся трясти его, но тот не подавал признаков жизни.

— Чи Мэй! Чи Мэй!

Тело его было холоднее, чем прежде. Тао Шаньцзэ с замиранием сердца поднёс пальцы к его носу: дыхания не было.

— Тао Шаньцзэ, отпусти его. Я здесь.

Тао Шаньцзэ вздрогнул и разжал левую руку, глядя, как на ладони тихо распускается цветок.

Тройная иллюзия.

Красный лотос был крошечным и изящным: плотно прижатые друг к другу лепестки горели ослепительно ярким, огненным цветом. В центре цветка смутно проступала крошечная фигурка — уменьшенная копия Чи Мэя. Сейчас он выглядел словно виртуальный питомец в его ладони.

Тао Шаньцзэ очень хотелось прихлопнуть его, но он подавил в себе этот опасный порыв.

Ощущение было странным: ещё миг назад этот человек помыкал им, а теперь лежал на его ладони, позволяя делать с собой что угодно. Он мог чувствовать его божественную душу и общаться с ним прямо в своём сознании.

Он подумал: Сейчас слезу с кровати и проверю, не изменилось ли что-нибудь под ней. В голове он увидел, как Чи Мэй кивнул. Крошечный Чи Мэй, примостившийся в лотосе, выглядел даже мило.

Тао Шаньцзэ соскочил с кровати и, конечно же, снова увидел знакомый труп женщины. В этот раз вид её был не таким пугающим, да и насекомых на теле было гораздо меньше. Тао Шаньцзэ сказал Чи Мэю:

— Скоро здесь должен появиться высохший труп, я испугаюсь и убегу.

Ответа не последовало. Тао Шаньцзэ поднял голову и увидел, что этот труп окутан слоем алого тумана, а в следующее мгновение он просто исчез.

— Куда он делся? — Тао Шаньцзэ в изумлении посмотрел на свою ладонь.

— Подобных существ без души я, разумеется, проглотил, — Чи Мэй улыбнулся, выглядя несколько глуповато, и для пущей убедительности громко икнул.

Если бы не человеческий облик, он сейчас напоминал бы большого кота, который перевернулся на спину и, мягкий и пушистый, катается по полу.

— У тебя зубы не сводит? — Тао Шаньцзэ потерял дар речи. Хоть он и не знал, правду ли тот говорит, но, вспомнив вид трупа, ощутил тошноту.

Чи Мэй же вовсе не заботился о его чувствах — он с комфортом устроился в его духовном море, вдыхая и выдыхая, а затем начал бродить повсюду.

— Когда придём в зал, я переберусь к тебе на лоб и приму форму цветка лотоса. Не обязательно разговаривать вслух, мы сможем общаться мыслями, — сказал Чи Мэй. Сразу после этого Тао Шаньцзэ почувствовал жар на лбу. Он коснулся его и действительно нащупал выпуклость в форме лотоса.

Она отлично сочеталась с родимым пятном у него на затылке.

Вдруг он услышал, как Чи Мэй в его голове хихикает и барахтается:

— Не щекочи меня!

— ... — Тао Шаньцзэ снова провёл рукой по лбу. Хотя это была его собственная кожа, видя образ Чи Мэя в духовном море, он почувствовал странное удовольствие, хотя так и не понял, до чего именно дотронулся.

Толкнув дверь, он увидел ту же сцену вчерашнего пиршества. В бассейне с вином всё так же бурлила горячая жидкость, красавицы нежились в воде, царил разврат и шум. Он занял неприметное место. В этот раз, под влиянием Чи Мэя, он сосредоточился на том, чтобы внимательно наблюдать за окружающими.

В воздухе лились звуки музыки, плыли ароматы цветов и еды — картина была роскошной и соблазнительной. Люди в зале были одеты в богатые наряды, расшитые золотом и серебром, — всё в точности как в прошлый раз.

Он окинул взглядом мужчин, женщин, стариков и детей, но среди них не было той девушки, на которую была похожа женская ипостась Чи Мэя. В его воспоминаниях всё было именно так; если бы появилось лицо Чи Мэя, он должен был бы насторожиться в первую очередь.

Затаив дыхание, он ждал появления того человека. Чи Мэй, заметив его напряжение, произнёс:

— Честно говоря, я впервые попадаю в иллюзию внутри иллюзии.

— Ты же говорил, что всех, кто не выходил отсюда раньше, ты съедал, — напомнил Тао Шаньцзэ.

— Так-то оно так, но обычно страницу книги можно найти в первом слое иллюзии. Второй

уровень мне ещё не встречался. Если бы не ты, который затащил меня сюда, держа за руку, мне пришлось бы слушать твои байки ещё день, а ты так и не смог бы выйти с постоянного двора и собрать арендную плату.

Чи Мэй, казалось, возлежал на цветке лотоса, окутанный красным сиянием, в своих алых одеждах он напоминал невесту.

— Значит, до этого никто не собирал все страницы? — Тао Шаньцзэ вглядывался в двери, ожидая появления Хэ Сяна.

— Сюда заходило много людей, я уж и не припомню всех. Но один был довольно силён, кажется, он собрал все страницы и вернулся в реальный мир. Хотя сейчас трава на его могиле, должно быть, уже высотой в восемь чи.

— Почему должно быть? — спросил Тао Шаньцзэ.

— Если бы он всё нашёл, зачем бы я затаскивал тебя сюда? С чего бы мне так надрываться и искать людей? — Чи Мэй посмотрел на него как на дурачка.

— А если ищут не страницы? — Глаза Тао Шаньцзэ блеснули, когда ему пришла в голову одна мысль.

— Как такое возможно? Мир Ляочжая огромен, может, в нём есть бреши, — Чи Мэй фыркнул, всё так же глядя на него как на идиота.

В этот момент наконец появился монах-распутник. Каждый его шаг сопровождался появлением красных лотосов. Тао Шаньцзэ взглянул на знакомые лепестки и сурово спросил Чи Мэя:

— Ты действительно не имеешь к нему никакого отношения?

Чи Мэй и сам выглядел ошеломлённым. Его голос стал тише:

— Правда, не имею.

Тао Шаньцзэ почувствовал, как лоб слегка нагрелся. Чи Мэй не лгал.

Мужчина с лицом, закрытым тонкой вуалью, оглядел присутствующих и произнёс те же слова, что и вчера. Разница была лишь в том, что люди в зале были иными, но их желания — столь же ненасытными, и каждый из них жаждал получить ещё больше.

В этот раз всё выглядело ещё более безумно. Черты лица мужчины были в точности как у Чи Мэя, отличаясь лишь особым очарованием — в его глазах, казалось, скрывался целый мир, ещё более роскошный и порочный, ожидающий, когда люди придут и исследуют его.

Толпа неистовствовала — то ли праздновала, то ли справляла поминки. Эмоции людей достигли предела, музыка не утихала, лишь становясь громче, и в этом звуке они находили некое подобие счастья.

Высшее блаженство.

Тао Шаньцзэ сжал кулаки, не мигая, ожидая нового погружения в иллюзию. Чи Мэй в его голове явно тоже почувствовал зов:

— Тао Шаньцзэ, я так хочу спать, посплю немного. Запомни: тебя зовут Тао Шаньцзэ. Запомни, тебя зовут Тао Шаньцзэ.

— Молодой господин, пора принимать лекарство.

Тао Шаньцзэ вздрогнул. Почему-то он коснулся лба. Кто-то что-то говорил, но слова звучали невнятно, словно во сне. Он растерянно смотрел на двух женщин рядом: одна была с красивым лицом, другая, очевидно, его мать.

— Матушка, — позвал он.

Он не переставал тереть лоб — там невыносимо пекло.

— Чжуэр, голова болит? Позвать лекаря? — спросила госпожа Ли. Она приложила руку к его лбу. — Похоже, жара нет.

— Не нужно, матушка. Дайте лекарство, — Ли Чжуэр покачал головой и залпом выпил густой коричневый отвар. Было горько, но тело уже привыкло: с самого детства он был болезненным и стал «живым сосудом для лекарств».

Чи Мэй семенил походкой, подошёл и сел в изголовье кровати, глядя на него полными нежности глазами:

— Молодой господин, съешьте цукаты, и горечь пройдёт.

— Чи Мэй, ты такая добрая.

Ли Чжуэр знал, что это его служанка, самый дорогой для него человек.

А в это время Чи Мэй, запертый в лотосе на лбу, не имея возможности пошевелиться и произнести хоть слово, чуть не задохнулся от ярости. Какая же это иллюзия? Это был настоящий кошмар! Девушка, которую Тао Шаньцзэ так искренне и преданно любил, была в девяти частях на него похожа, и тот, кажется, даже получал от этого удовольствие?

В третьем слое иллюзии все магические силы Чи Мэя были заблокированы. Ему оставалось лишь тихо сидеть в лотосе, наблюдая, как Тао Шаньцзэ, захвативший тело Ли Чжуэра, болезненно кашляет кровью.

А когда он увидел, как девушка-Чи Мэй нежно прижимается к груди Тао Шаньцзэ, он начал сомневаться в смысле своего существования. Это было ужасно. Почему его глаза должны видеть такую грязь?

<http://bllate.org/book/22407/2352257>